

ДИСКУССИИ

УДК 81'27
ББК Ш100.63

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

S. G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ И ЕЕ ТЕРМИНОСИСТЕМА (продолжение дискуссии)

LINGUOCULTURAL CONCEPTOLOGY AND ITS TERMINOLOGICAL SYSTEM (continuation of discussion)

Аннотация. Описывается понятийный аппарат лингвокультурной концептологии, устанавливается, что пафос критики лингвоконцептологии как части лингвокультурологии носит идеологический характер, что превращение «концепта» в базовый термин лингвокультурологии неслучайно и что отличить «лингвокультурный концепт» от одноименного псевдотермина можно лишь на фоне терминосистемы лингвоконцептологии.

Abstract. The article describes the notional apparatus of linguocultural conceptology. It is established that criticism of linguocultural conceptology as part of linguoculturology is rooted in ideology, that converting the notion of “concept” into the basic term of linguoculturology is not random and that distinguishing “linguocultural concept” from the pseudo-term of the same name is only possible on the background of the terminological system of linguocultural conceptology.

Ключевые слова: лингвокультурология; лингвокультурная концептология; концепт; термин; терминологическая система.

Key words: linguoculturology; linguocultural conceptology; concept; term; terminological system.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода.

About the author: Vorkachev Segey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Scientific and Technical Translation.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Place of employment: Kuban State Technological University (Krasnodar).

Контактная информация: 350006, г. Краснодар, ул. Красная, 135, к. 110.
e-mail: svork@mail.ru.

Лингвокультурология, выделившаяся в отдельное научное направление в российской лингвистике в 90-х гг. прошлого века как раздел антропологической лингвистики, имеет своим предметом исследование проявлений культуры народа, главным образом духовной, отраженных и закреплённых в его языке и речи [См.: Маслова 1997: 8; 2001: 8, 11; Воркачев 2001: 64—65; Хроленко 2004: 25].

Базовой исследовательской единицей лингвокультурологии выступает (лингвокультурный) концепт, который в самом общем виде сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в культуру и язык [См.: Воркачев 2011: 64], и если лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры, представленные (лингвокультурными) концептами, выступая по сути в качестве ипостасного имени первой.

Лингвоконцептология — продолжение и развитие классической, структурной и функциональной семантики [См.: Карасик 2013: 93], обогащённой данными культурологии, когнитологии, социологии, истории и прочих смежных дисциплин. Более того, по большому счету, лингвоконцептология и выступает как специфическая разновидность се-

мантики, направленная преимущественно на исследование национально-культурной части единиц ментального лексикона — концептов, «план выражения» которых представлен практически не ограниченным рядом языковых единиц. От структурной семантики к лингвоконцептологии перешли основные исследовательские методы — компонентный (семный) анализ и теория поля: полученные в результате компонентного анализа смысловые признаки концепта располагаются в семантическом пространстве в зависимости от своей значимости от ядра к периферии.

Однако, в отличие от семантики, исследовательский объект которой представлен значением как планом содержания конкретных языковых единиц, исследовательский объект лингвоконцептологии (концепт) гораздо шире: он имеет «сквозной» характер и включает в себя также семантику текстовых и дискурсных образований (паремии, афоризмы, художественные произведения и пр.), в которых «просматриваются» семантические признаки изучаемых ментальных единиц.

Лингвоконцептологические исследования направлены главным образом на изучение конкретных ментальных единиц, обладающих культурной спецификой и находящихся выражение в языке; общетеоретические проблемы связи языка и мышления, языка и культуры в

лингвоконцептологии напрямую не поднимаются — идеологически она удовлетворяется «слабым» вариантом гипотезы лингвистической относительности Сепира — Уорфа: язык и культура каким-то образом взаимосвязаны.

К числу непосредственных предшественников, внесших определяющий вклад в становление лингвокультурной концептологии, следует прежде всего причислить Анну Вежбицкую, давшую первое определение лингвокультурного концепта и проанализировавшую «культуроспецифичные» концепты «дружба» и «свобода» [См.: Вежбицкая 1999: 203—499], Н. Д. Арутюнову, проводившую лингвокультурологическое исследование концепта «истина/правда» и определившую лингвокультурные концепты как понятия жизненной философии и обыденные аналоги мировоззренческих терминов, закрепленные в лексике естественных языков [См.: Арутюнова 1993: 3—6; 1999: 617—631], и Ю. С. Степанова, впервые заговорившего о «многослойности» лингвокультурного концепта [См.: Степанов 1997: 45—56].

На фоне многочисленных лингвистических школ и направлений, учитывающих и исследующих связь языка с культурой в форме изучения тематических полей, семантических классов слов, установления зависимости языковых фактов и явлений от социальных и культурных факторов и т. п., лингвокультурная концептология выделяется своим комплексным и систематизированным подходом к предмету исследования и, может быть, в первую очередь — разработанностью своих исследовательских методик. Связь культурно маркированных операциональных единиц мысли со средствами их вербализации изучается здесь в единстве выделяемых разнокачественных составляющих — понятийной, образной и оценочной — при безусловном доминировании образной, на важность которой впервые обратил внимание В. фон Гумбольдт (Ср.: «...большое количество понятий, в особенности нематериального характера ... может выражаться посредством необычных и поэтому неизвестных метафор» [Гумбольдт 1960: 70]), а материал для исследования берется из всех возможных дискурсных областей.

Любое научное направление, и лингвоконцептология здесь не исключение, проходит стадии нормального жизненного цикла: зарождение/становление, зрелость/расцвет, упадок/забвение. Лингвоконцептология как часть лингвокультурологии выросла из переакцентировки задач лингвострановедения, когда на место обучения иностранному языку через изучение культуры носителей этого языка пришло изучение культуры через язык.

Первое появление ее базового термина — «(лингвокультурного) концепта» — приходится на начало 90-х годов прошлого века [См.: Логический анализ языка 1991], и в эти же 90-е гг. она прошла свою первую стадию — стадию формирования, сопровождаемую привычным сопротивлением научной среды: зачем «множить сущности», для лингвистики вполне достаточно и значения как базового семантического термина; ваш концепт уже описал Герман Пауль сто с лишним лет назад — смотрите: «...вся совокупность представлений, содержащихся в душе человека» [Пауль 1960: 126], — чем не концепт?; «...концепт — это квазиметодологическая категория» [Сорокин 2003: 292] и пр.

В настоящее время лингвоконцептология проходит свою вторую стадию — затяжную стадию расцвета и триумфального подъема, чуть было не прерванную кризисом [См.: Воркачев 2011: 69]; отношение к ней и ее базовому термину радикально изменилось: «концепт» стал законодателем моды в российском языкознании, самым естественным образом появилось «лингвоконцептологическое эпигонство» и оказалось, что фактор моды по праву можно включать в число прочих признаков псевдонауки [См.: Воркачев 2013: 115—120].

В то же самое время критический «отпор» российской лингвокультурологии и, соответственно, лингвоконцептологии пришел оттуда, откуда его меньше всего можно было ожидать: от представителей западной и «эмигрантской» лингвистики, что само по себе, можно сказать, несколько лестно и свидетельствует о достаточно широкой известности этого научного направления.

Полемика по поводу лингвокультурологии, развернувшаяся на страницах журнала «Политическая лингвистика» в 2011—2012 гг. [См.: Павлова, Безродный 2011; Шмелев 2011; Дементьев 2012], вылилась со стороны противников лингвокультурологии в своего рода «Антилингвокультурологический манифест» — сборник статей антилингвокультурологической и антилингвоконцептологической направленности [См.: От лингвистики к мифу 2013], положения которого «подкрепились» еще и стебом по этому поводу в Интернете («лингвокультурологию чуют нутром», «басни про этноконцепты и ментальность» и пр. [См.: Зарубин 2013]).

Критический пафос «Манифеста» направлен в основном на два положения лингвокультурологии, зафиксированных в ее терминосистеме: «языковая картина мира» и «национальный характер / этнический менталитет», которые здесь употребляются исключительно в кавычках. Языковая «картина

мира», как и любая его картина, — это, безусловно, метафора, но метафорическое происхождение термина не может служить основанием для отрицания его эвристической валидности: ведь никого сейчас не смущают такие когнитивные метафоры, как «корень слова» или «языковая семья». Конечно, языковых картин мира ровно столько, сколько существует на земле носителей языка, но все эти картины вполне успешно тем или иным образом типизируются и стереотипизируются, сводятся к какому-то одному знаменателю, общему для той или иной социальной, профессиональной и (почему бы нет?) этнической либо национальной группы.

В статьях авторов сборника лингвокультурология и лингвокультурная концептология практически полностью отождествляются с гипотезой лингвистической относительности — ГЛО («в идейном содержании дисциплины „лингвокультурология“ нет ничего нового: та же система аргументации использовалась в эссеистике сто лет тому назад» [От лингвистики к мифу 2013: 22]), как с «сильным» ее вариантом, согласно которому язык полностью определяет мышление своих носителей (неогумбольдтианство, Вайсгербер), так и со «слабым», согласно которому язык определяет мышление лишь отчасти — «навязывает» или «подсказывает» категоризацию мира. Оценочное признание существования лингвокультурной специфики здесь квалифицируется как «лингвонационализм» [От лингвистики к мифу 2013: 50, 60, 62] и чуть ли не «лингвофашизм».

Конечно, у гипотезы лингвистической относительности и лингвокультурологии исторически общие антропоцентрические истоки, но на этом, пожалуй, сходство и кончается — у лингвокультурологии и лингвокультурной концептологии уже иные цели и задачи и иная исследовательская методика: с одной стороны, создание теоретической основы для преодоления трудностей и сбоев, возникающих при межкультурной коммуникации, а с другой — выработка комплексной методики описания периферийной (специфической для каждой лингвокультуры) части семантики ментальных единиц (концептов). Эвристическую ценность лингвокультурной концептологии создает, как представляется, методологическая комплексность, дающая возможность описывать весьма объемные семантические блоки в единстве с языковыми средствами их выражения.

Критика лингвокультурологии ведется с идеологических позиций: отрицается аксиоматика лингвокультурологии: этноса/нации, народа как объективной данности не существует, это — миф, фикция, конструкт,

imagined community по Бенедикту Андерсену. Соответственно, объективно не существует национального самосознания, национальной идентичности, национальной специфики, национального характера и менталитета и, конечно, языковой этноспецифики. Отрицание же этнокультурной специфики ментальных единиц (концептов) превращают лингвокультурологию и лингвокультурную концептологию в псевдонауки, такие же, как уфология и парапсихология, не имеющие своего объекта исследования.

Здесь можно заметить, что нет (практически, за редким исключением) людей, не обладающих национальной идентичностью, и эта коллективная идентичность и ощущение причастности к ней представляют собой реальность, хотя, может быть, и субъективную, которая вполне реальна в соответствии с «теоремой Томаса» («Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям») в межличностных и международных отношениях. Гражданская война на Украине — пример лингвокультурной войны: зачита носителями русского языка своей языковой и культурной идентичности. Несовпадения в периферийной (коннотативной, оценочной) части ментальных единиц у носителей разных культур/языков — несомненный факт, на определенном уровне межъязыкового общения препятствующий пониманию.

И если авторами сборника объективность существования национального характера ставится под сомнение, то существование этнических стереотипов, в которых, собственно, и отражаются представления о первом, признается очевидным фактом [См.: От лингвистики к мифу 2013: 268—269].

Что же касается лингвокультурологического «пособничества» лингвонарциссизму [См.: От лингвистики к мифу 2013: 139—142], выражающемуся в любовании родным языком и всяческом его восхвалении, то такое любование присуще не лингвистам (к числу которых, в общем-то, относятся и лингвокультурологи), для которых родной язык отличается от всех прочих только тем, что его они лучше знают, а «мастерам художественного слова», упоминаемым в сборнике, и представителям «разговорного жанра» — Михаилу Задорнову, например.

Нужно, однако, отдать должное авторам сборника: среди четырех причин возникновения в России лингвокультурологии [См.: От лингвистики к мифу 2013: 178—180] приводится (последней!) одна вполне вразумительная: необходимость обновить толковые словари, расширив и углубив семантическое описание лексических единиц. Первая же

причина, идеологическая — участие в поисках утраченной «национальной идеи» — представляется явным преувеличением «роли лингвистики в истории», хотя, конечно, — «честь такая дорогая!».

Опять же вполне конструктивным моментом критики лингвокультурологических исследований представляется указание на такую «болеую точку», как отсутствие четкого критерия выделения базовых, «ключевых» лингвоконцептов. Но это отнюдь не врожденный порок лингвоконцептологии, а скорее ее беда: критерии эти предстоит еще отыскать и определить, в чем же заключается значимость лингвокультурных концептов для национальной культуры — в массовидности ли стереотипов при разноуровневости средств их выражения, распространенности в лексической системе определенных презумпций [См.: Шмелев 2011: 26], или в чем-либо другом.

В сборнике просматривается явная тенденциозность подборки иллюстративного материала: анализируются по большей части халтурно-эпигонские работы, свидетельствующие лишь о научной малограмотности и нечистоплотности их авторов, а также о крайней снисходительности диссертационных советов, принимающих такие работы к защите. Анализ добросовестно и профессионально выполненных лингвокультурологических работ, в которых есть то, отсутствием чего наделяется лингвокультурология (опрос информантов — «полевые исследования», использование данных корпусной лингвистики, дискурс-анализ), здесь практически не представлен.

В то же самое время непомерное количество халтуры отнюдь не свидетельствует о несостоятельности научной дисциплины — скорее наоборот, это следствие ее популярности и значимости. Из всего корпуса в двести тысяч защищенных диссертаций по лингвокультурологии можно было бы добавить примеры «покруче» и похлестче, чем приводимые в «Манифесте» избитые этно-стереотипы «скупых англичан», «доверчивых русских» и «аккуратных немцев» — это, например, концепты «боевой листок», «тапочки», «нефть», «Сочи» и пр.

И наконец, стебовой для русской лингвокультуры концепт «слон» [См.: Зарубин 2013] в индийской лингвокультуре, очевидно, представляет собой вполне достойный объект исследования, как концепт «бык» в культуре испаноязычной [См.: Соловьева 2009].

Лингвоконцептология как часть лингвокультурологии возникла, конечно, не вдруг и не на пустом месте: в число ее предтеч без оснований включают И. Гердера и

В. Гумбольдта, пытавшихся осмыслить роль языка в мышлении, и создателей «гипотезы лингвистической относительности» Э. Сепира и Б. Л. Уорфа, связавших язык и культуру его носителей, — идеологов антропоцентризма в лингвистике.

Из двух известных вариантов гипотезы лингвистической относительности — «сильного» (язык всецело определяет шаблоны мышления и «культурные коды») и «слабого» (язык лишь отчасти определяет шаблоны мышления и «культурные коды») — лингвоконцептология выбирает «третий» вариант: язык, мышление и культура взаимосвязаны, однако связь эта факультативна и не линейна — реализуется не всегда, не везде и необязательно напрямую, на что, кстати, указывал Б. Л. Уорф: «Между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия» [Уорф 1960: 168].

Как представляется, в триаде «язык — мышление — культура» особого разговора заслуживают два ее последних члена — мышление и культура.

Мышление как «направленный процесс переработки информации в когнитивной системе живых существ» [Меркулов 2004: 533] создателями гипотезы лингвистической относительности и ее последователями понимается нерасчлененно, гомоморфно, в то время как существуют его различные виды: мышление предметное, образное и логико-вербальное. Говорить о влиянии языка на предметное мышление не приходится: мы завязываем шнурки и закрываем двери без какого-либо посредства вербальных знаков; мышление образное обходится собственным языком — языком образов, а вот мышление логико-вербальное — операции суждения и умозаключения над понятиями для получения нового знания — едва ли может обойтись без языка, естественно, лишь в части формирования понятий, создающих для человека классификационную сетку картины мира. Понятие как совокупность существенных признаков предмета, будучи облеченным в слово, образует семантическую основу лексического значения, его смысловые скрепы, и уже к нему в составе значения добавляются различного рода несущественные признаки и коннотации, могущие быть специфическими для какого-либо этнического языка.

Культура также понятие весьма разнородное, достаточно размытое и неопределенное. Если исходить из самого общего, «апофатического» понимания культуры: культура — это не природа, а то в человеке, что передается от поколения к поколению

небиологическим путем (Ср.: «Я называю культурой человеческую среду, все то, что помимо выполнения биологических функций придает человеческой жизни и деятельности форму, смысл и содержание» [Бенвенист 1974: 31]), то язык — неотъемлемая часть культуры, и в качестве такового не может от нее не зависеть, как не может не зависеть часть от целого, и в этом смысле весь язык, как и любая его единица, культурно маркированы, а лингвокультурология утрачивает свой предмет. Как представляется, для определения этого предмета понятие культуры вообще необходимо сузить до культуры духовной [См.: Стернин 2013: 143], включающей мировоззрение, моральные установки и чувства и пр. — всё то, что определяет специфические поведенческие стереотипы и формирует стереотипы этнические как отражение национального характера и менталитета.

Несмотря на свои некоторые «врожденные пороки», в частности отсутствие межъязыковых переводческих аналогов, в конкурентной борьбе 90-х годов прошлого века «концепт» одолел своих протерминологических соперников [См.: Воркачев 2007: 18], и, естественно, хотелось бы выяснить причины доминирования именно «концепта» в лингвокультурологической терминологии.

Как представляется, причины эти коренятся главным образом в том, что слово «концепт» как протермин находит опору в лексической системе русского литературного языка и «подпитывается» употреблением как в современной обиходной речи, так и в общенаучном и «паранаучном» дискурсе.

В русской лексикографии «умное», «ученое» слово концепт как синоним понятия фиксируется лишь двумя толковыми словарями: «**Концепт** [латин. *conceptum*] (филос.). Общее понятие, общее представление» [Ушаков 2000, т. 1: 1455]; «**Концепт**, [лат. *conceptus* — понятие, мысль, представление]. 1. Лог. Содержание понятия. 2. Книжн. = Концепция» [Кузнецов 1998: 454]. В качестве логического термина он присутствует в энциклопедическом словаре: «**Концепт** (от лат. *conceptus* — мысль, понятие), смысловое значение имени (знака), т. е. содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого имени» [СЭС 1983: 623].

Уже из этих определений «концепта» и из самого факта включения лишь в несколько толковых словарей видно, что эта лексема для носителей русского языка на фоне ее ближайшего синонима «понятие» представляется несколько «экзотической» (кстати, частотными словарями она не фиксируется), что у нее отсутствует живая

«внутренняя форма» и что она выступает гиперонимом для практически всех семантических ментефактов — мысль, общее представление, смысл, сигнификат, концепция, понятие, теория и др.

«Концепт», в отличие от «понятия», не вошел полностью в обиходный дискурс и остается частью дискурса научного, что избавляет эту лексему от необходимости ретерминологизации при включении в терминосистему лингвоконцептологии. В лексической системе языка у нее имеется целый ряд «поддерживающих» ее производных: «концепция», «концептуализация», «концептуализация», «концептуализм», «концептуалист» и пр.

Пожалуй, наиболее доступным и четким признаком, позволяющим отделить научный дискурс от псевдонаучного, представляется адекватность/неадекватность употребления специфических отраслевых терминов, в которых вербализуется понятийная область соответствующего научного направления — терминосистема. Терминосистема выступает тем самым контрастным фоном, на котором «высвечивается» имитационность «провисающего» псевдотермина, который выпадает из этой системы, поскольку не связан с другими понятиями данного научного направления и либо представляет собой *flatus vocis* — «пустой звук», за которым не стоит никакого смысла, либо за ним стоят понятия другого научного направления.

В трудах российских языковедов, как отмечается [См.: Кашкин 2010: 296], в последнее время повторяется словосочетание «антропологическая парадигма», к адептам которой причисляют себя авторы этих трудов, где «антропологическая» выступает, очевидно, антонимом к определению «структурная». В «антропологическую парадигму» входят все научные направления, ориентированные на изучение человека как субъекта какой-либо деятельности, в том числе и речевой. Результатом предметной конкретизации «антропологической парадигмы» выступает «антропологическая лингвистика» (*anthropological linguistics*) — западный аналог российской лингвокультурологии, базовой составляющей и в некотором роде «вторым именем» которой является лингвоконцептология.

Имя «лингвоконцептология» в определенной мере двусмысленно, поскольку за ним скрывается не только концептология лингвокультурная, но и лингвоконцептология когнитивная, сформировавшаяся как направление даже несколько ранее первой в русле когнитивной лингвистики, в центре внимания которой находится язык как «об-

щий когнитивный механизм» [См.: Кубрякова и др. 1996: 53; Бабушкин 1996: 9]. Лингвистическая концептология, в задачи которой входит выявление средств вербализации концепта и моделирования его содержания, в конечном итоге методологически «встроилась» в лингвокультурную на этапе исследования понятийной составляющей лингвокультурного концепта в той мере, в которой последняя описывается с использованием мыслительных картинок, схем, фреймов, сценариев, инсайтов и пр.

Общепрофессиональная, лингвистическая терминология, представленная в названиях и вводных разделах диссертаций и монографий лингвокультурологической направленности («парольные слова»), включает такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(национальная, этническая, лингвокультурная) концептосфера», «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс».

Понятие «картины мира» как глобального образа мира (Weltbild), пришедшее в лингвистику из физики и философии в ходе «антропологического поворота» парадигмы гуманитарного знания и введенное в употребление в лингвистику И. Л. Вайсгербером [См.: Вайсгербер 2004: 66—67], приняло вид «(этно)языковой картины мира» как совокупности знаний о мире в обыденном сознании, зафиксированных в единицах языка. Поскольку в языке фиксируется отнюдь не вся информация о мире, то языковая картина предметно беднее концептуальной, отличается от последней этнокультурной спецификой и консерватизмом.

Имя «концептосфера», обозначающее совокупность концептов вообще, образованное по аналогии с «ноосферой» и «биосферой» и введенное в научный обиход академиком Д. С. Лихачевым, получая расширение «национальная, этническая, лингвокультурная», обозначает уже совокупность концептов лингвокультурных, выделяемых из языковой картины мира.

В свою очередь, на национальной концептосфере выделяются по какому-либо признаку более дробные сегменты, включающие группы концептов — «концептуальные области (поля)», — хотя, нужно заметить, концептуальная метафора сферы («шара») в случае концептосферы последовательно не проводится, и «концептосфера» обозначает как раз семантическую область: концептосферы «война», «жизнь», «возраст» и пр.

Под языковой личностью в лингвокультурной концептологии понимается закреп-

ленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя языка, включающий мировоззренческие установки, ценностные приоритеты и поведенческие реакции, отраженные в словаре — личность словарная, этносемантическая [См.: Воркачев 2001: 66; Карасик 2004: 22], которая выступает субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы.

Любая личность — индивидуальная или групповая — имеет собственные взгляды на мир и на свое место в нем, обладает собственным характером и присущими только ей стереотипами поведения, и все это, безусловно, отражается в ее языке. Под термином «языковой менталитет» понимается совокупность специфически национальных мировоззренческих, психологических и поведенческих установок языковой личности как усредненного представителя множества носителей языка, зафиксированная в семантической системе последнего. Национальный менталитет, национальная ментальность и национальный характер — понятия соположенные и пересекающиеся, и в лингвокультурологических исследованиях часто не различающиеся.

Понятие дискурса как текста в единстве с экстралингвистическими условиями его реализации включено в терминосистему лингвоконцептологии через ее базовый термин — лингвокультурный концепт, выполняющий функцию организующего начала дискурса, когда политический дискурс организуется вокруг концептов «власть» и «политик», религиозный — вокруг концептов «вера» и «Бог» и пр.

Напрямую — через свою лексическую основу — в терминосистему лингвоконцептологии включено понятие концептуализации: процесса и результата «сотворения» концепта — структурирования знаний о мире. Соответственно, терминологическое наполнение этого понятия зависит от понимания концепта как *лингвокультурной* сущности: языковая концептуализация — это обогащение семантики определенного понятия признаками, заимствованными из семантики языковых показателей, лексикализирующих это понятие [См.: Исаева 2012: 58—59].

Узкоотраслевую, собственно дисциплинарную часть терминосистемы лингвоконцептологии образует прежде всего сам лингвокультурный концепт и его терминологические аналоги, а затем — его видовые номинации и номинации его составляющих.

В предельно широкое определение лингвокультурного концепта как единицы коллективного знания, имеющей языковое вы-

ражение и отмеченной этнокультурной спецификой [См.: Воркачев 2001: 70], свободно укладываются и вначале соперничавшие с ним «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема», и его сегодняшний аналог «семантическая константа».

Внутри этих родовых дефиниционных границ по самым различным признакам выделяются разнообразные виды лингвокультурных концептов [См.: Воркачев 2011: 66—67], как разноименные («культурная доминанта», «ключевая идея», «лингвокультурный типаж»), так и образованные путем адъективного расширения базового термина («телеономные, эмоциональные, иллюкативные, регулятивные, параметрические и прочие концепты»).

Выстраиваемый терминологический ряд открыт, его члены образуют довольно стройную, хотя и не жесткую систему, в которой они связаны отношениями включения, выводимости и смежности, где составляющие складываются в лингвокультурный концепт, который может выступать организующим началом дискурса и который сам входит в состав какой-либо концептуальной области, входящей в состав национальной концептосферы, выделяемой, в свою очередь, из языковой картины мира, в то время как языковая личность — носитель языкового менталитета — представляется субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы, а концептуализация — формой вербализации какого-либо понятийного содержания.

В своей массе единицы терминологического ряда лингвоконцептологии соответствуют большей части требований, предъявляемых к «идеальному термину», характеризующему такими признаками, как лексическая и словообразовательная системность, наличие словарной пометы, тенденция к моносемичности в пределах своей терминологической области, стилистическая нейтральность, наличие дефиниции, отсутствие синонимии, точность, номинативность, независимость от контекста [См.: Алимуратов и др. 2011: 15—20], куда можно было бы еще добавить отсутствие антонимии.

Так, например, базовый термин «лингвокультурный концепт», безусловно, отличается словообразовательной системностью («лингвоконцептология», «лингвоконцептологический анализ» и пр.), однако о наличии словарных помет говорить не приходится, поскольку в толковых словарях он отсутствует. Он стремится, насколько это у него получается, к однозначности и стилистически нейтрален в границах научного дискурса, у него имеется дефиниция. Он номинативен

в том смысле, что отправляет к реалии исследовательского аппарата определенной научной области, а вот что касается точности, независимости от контекста и отсутствия синонимии, то здесь можно заметить, что его точность, в принципе, ограничивается контекстом теории, создаваемой определенной «школой» лингвоконцептологии либо отдельным исследователем, а наличие синонимов напрямую зависит от понимания его сущности последователями этих «школ».

Вместе с тем на фоне терминосистем естественных наук терминосистему лингвоконцептологии отличает определенная аморфность и «размытость» определений терминов, присутствие в ней синонимии, что свидетельствует, очевидно, как о «гуманитарной» ориентации этого научного направления, так и о динамизме его развития.

Однако нечеткость и в какой-то мере даже двусмысленность определений лингвоконцептологических терминов следует, как представляется, главным образом из неопределенности понимания культуры, которой обусловлена национальная специфика *лингвокультурного* концепта: берется ли здесь вся культура целиком, материальная и духовная, в противостоянии природе, либо только культура духовная. Определенную роль здесь играет также неразличение национальной ментальности как общего мировидения носителей языкового сознания и менталитета как совокупности ее специфических черт.

Несмотря на существенный разброс во мнениях относительно сущности лингвокультурного концепта, внутри его предельно широкого определения, о котором уже говорилось и которое в общих чертах совпадает с определением концепта А. А. Вежбицкой («Объект из мира „Идеальное“, имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире „Действительность“»), в понимании его отличительных признаков на сегодняшний день уже существует определенный консенсус. Основными, обязательными характеристиками лингвокультурного концепта признаются: 1) многомерность как следствие его синтетизма — наличие семантически разнородных составляющих; 2) иерархичность, системная зависимость признаков; 3) этноспецифичность. В число его дополнительных, факультативных признаков попадают номинативная плотность как множественность способов вербализации; дискурсная (социокультурная, онтогендерная, аксиологическая) вариативность и дискурсоцентричность — способность выступать в качестве организующего начала дискурса.

Как представляется, можно утверждать, что лингвокультурологическое понимание концепта ограничивается, с одной стороны, понятием как логической категорией совокупности существенных признаков объекта, а с другой — значением как совокупностью семантических признаков, закрепленных за определенной единицей языка.

И если речь идет о «псевдолингвокультурном концепте», то имеется в виду употребление термина «лингвокультурный концепт» либо в контексте «понятия», либо в контексте «значения», либо вообще произвольно, когда «концептом» называют всё что угодно, фрейм, например [См.: Савицкий 2012: 59], руководствуясь исключительно лингвистической модой.

Подытожим.

Лингвокультурология имеет своим предметом исследование проявлений культуры народа, главным образом духовной, отраженных и закрепленных в его языке и речи. Базовой исследовательской единицей лингвокультурологии является лингвокультурный концепт, который в самом общем виде сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в культуру и язык, и если лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры, представленные лингвокультурными концептами.

Лингвоконцептология — продолжение и развитие классической, структурной и функциональной семантики, обогащенной данными культурологии, когнитологии, социологии, истории и прочих смежных дисциплин; она выступает в роли специфической разновидности семантики, направленной преимущественно на исследование национально-культурной части единиц ментального лексикона. От структурной семантики к лингвоконцептологии перешли основные исследовательские методы: компонентный (семный) анализ и теория поля, — однако, в отличие от семантики, исследовательский объект которой представлен значением как планом содержания конкретных языковых единиц, исследовательский объект лингвоконцептологии гораздо шире: он имеет «сквозной» характер и включает в себя также текстовые и дискурсные образования.

На фоне многочисленных лингвистических школ и направлений, учитывающих и исследующих связь языка с культурой, лингвокультурная концептология выделяется комплексным и систематизированным подходом к предмету исследования и разработанностью своих исследовательских мето-

дик. Связь культурно маркированных операциональных единиц мысли со средствами их вербализации изучается здесь в единстве выделяемых разнокачественных составляющих, а материал для исследования берется из всех возможных дискурсных областей.

Первое появление базового термина лингвоконцептологии — «(лингвокультурный) концепт» — приходится на начало 90-х гг. прошлого века, и в эти же 90-е гг. она прошла свою первую стадию — стадию формирования, — сопровождаемую привычным сопротивлением научной среды. В настоящее время лингвоконцептология проходит свою вторую стадию — затяжную стадию расцвета и триумфального подъема; отношение к ней и ее базовому термину изменилось: «концепт» стал законодателем моды в российском языкознании, и появилось «лингвоконцептологическое эпигонство». В то же самое время критический «отпор» российской лингвоконцептологии, пафос которого направлен в основном на два ее термина: «языковая картина мира» и «национальный характер/этнический менталитет», — был дан представителями западной и «эмигрантской» лингвистики, в работах которых лингвокультурология и лингвокультурная концептология практически полностью отождествляются с гипотезой лингвистической относительности. Критика лингвокультурологии ведется с идеологических позиций — отрицается аксиоматика лингвокультурологии: этноса/нации, народа как объективной данности не существует, это — миф, фикция, соответственно, объективно не существует национального характера и менталитета и, конечно, языковой этноспецифики. Тем не менее эта критика в какой-то мере вполне конструктивна и указывает на такую «боле-вую точку» лингвоконцептологии, как отсутствие четкого критерия выделения базовых, «ключевых» лингвоконцептов.

Превращение именно «концепта» в базовый термин лингвокультурологии представляется неслучайным: причины его терминологизации коренятся преимущественно в том, что слово «концепт», в отличие от терминологических новообразований, находит опору в лексической системе русского литературного языка и «подпитывается» употреблением как в современной обиходной речи, так и в общенаучном дискурсе.

Отличить «лингвокультурный концепт» от одноименного псевдотермина можно лишь на общем фоне терминосистемы лингвоконцептологии, включающей вместе с ним такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(нацио-

нальная, этническая, лингвокультурная) концептосфера», «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс», имена составляющих лингвокультурного концепта и его разновидностей. Псевдоконцепт из этой терминосистемы «выпадает», когда «лингвокультурным концептом» называют либо «понятие», либо «значение», либо вообще все что угодно, руководствуясь исключительно лингвистической модой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов О. А., Лату М. Н., Раздубев А. В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий). — Пятигорск, 2011.
2. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. — М.: Наука, 1993. С. 3—7.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж: Воронеж. ГУ, 1996.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.
6. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. — М.: УРСС, 2004.
7. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
8. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2007. Т. 66, № 2. С. 13—22.
9. Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2011. Т. 70, № 5. С. 64—74.
10. Воркачев С. Г. К апологии лингвокультурного концепта // Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта. — Волгоград: Парадигма, 2013.
11. Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. — М.: Госучпедиздат М-ва просвещения РСФСР. Ч. 1. С. 68—86.
12. Дементьев В. В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме» // Политическая лингвистика. 2012. № 1(39). С. 11—16.
13. Зарубин К. Константин Андреев: введение в суверенное языкознание. 2013. 30 окт. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/67120>.

14. Исаева Л. А. О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация и «прецедентизация» // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2. С. 58—60.
15. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004.
16. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, 2013.
17. Кашкин В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. — Воронеж: Воронеж. ГУ, 2010.
18. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: МГУ, 1996.
19. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 1998.
20. Логический анализ языка: культурные концепты. — М.: Наука, 1991.
21. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. — М.: Наследие.
22. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001.
23. Меркулов И. П. Мышление // Философия: энцикл. слов. — М.: Гардарики. С. 533—535.
24. От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». — СПб.: Антология, 2013.
25. Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 11—20.
26. Пауль Г. Принципы истории языка. — М.: Изд-во иностр. литературы, 1960.
27. Савицкий В. М. Идея, схваченная знаком. Несколько вопросов по поводу объекта лингвоконцептологии. — Самара: ПГСГА, 2012.
28. СЭС = Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энцикл., 1983.
29. Соловьева Н. И. Актуализация лингвокультурного концепта «бык» в испанской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009.
30. Сорокин Ю. А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бума» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. — Волгоград: Перемена, 2003. Ч. 1. С. 283—294.
31. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Языки русской культуры, 1997.
32. Стернин И. А. О некоторых дискуссионных проблемах лингвокультурологии // Человек. Язык. Культура. — Киев: Изд. дом Д. Буряго, 2013. Ч. 1. С. 138—149.
33. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностр. литературы, 1960. Вып. 1. С. 135—167.
34. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. — М.: Астрель-АСТ, 2000.
35. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. — М.: Флинта-Наука, 2004.
36. Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 21—33.